

Приходько И. С. Блок и Шекспир [Монография] / И. С. Приходько; отв. ред. А. Л. Рычков и Н. В. Захаров; вступ. статья Н. В. Захарова и В. С. Флоровой; биобибли. ст., коммент. А. Л. Рычкова; послесл. Аврил Пайман. – СПб.: Алетейя, 2021. Ознакомительный фрагмент.

О КНИГЕ «БЛОК И ШЕКСПИР» И ЕЁ АВТОРЕ

Аврил Пайман

О книге «Блок и Шекспир»

Автор Послесловия — специалист по русскому символизму и лишь любительница Шекспира и английской поэзии, ей родной по языку и культуре. Можно, однако, смело утверждать, что в собранных под обложкой книги «Блок и Шекспир» тематических статьях И.С. Приходько именно сопоставление русской и английской тем ярко освещает общие подтексты всего европейского романтизма — вплоть до символизма и возрождения интереса к народному, мистериальному, «уличному» театру. Ведь Шекспир предшествовал и вдохновлял романтическое восстание против неоклассицизма Просвещения, и таким он предстает здесь в статьях русской исследовательницы символизма XX века на следующем витке спирали развития нашей общей культуры. По её заключению: «Если Шекспир в своё время шёл по пути преодоления средневековой обнаженности мистериальной сути, облакая действие драмы и её героев в плоть и кровь, Блок-символист совершает обратное движение — к первоначальным мистериальным смыслам»¹.

¹ См. стр. 53 и 168 настоящего издания.

В одном из писем к дочери отец Павел Флоренский утверждал, что мы не видим самого Шекспира за образом его героев², но И.С. Приходько (частично в согласии с её научным консультантом — Т.М. Родиной) как раз увидела возможным отождествление лирического героя (в частности у Блока) с «воспроизведением литературного мифа на уровне жизненном». Так, она показывает, как по-разному ожили «литературные» персонажи Шекспира в сердцах позднейших читателей русского Серебряного века, как в них они почувствовали эти «воспроизведения литературного мифа на уровне жизненном»³. Таким образом, не только миф и мистерия, но и субъективность романтизма выделяются автором книги как главные темы о поэте-драматурге Шекспире и о русском поэте-символисте А. Блоке.

В Послесловии к столь долго вынашиваемой автором, но так и не подготовленной к печати в окончательном виде книге «Блок и Шекспир» мне хотелось бы сказать несколько слов о представляющихся важными аспектах содержания этой книги, что может помочь читателю сориентироваться в приоритетах её прочтения.

Читая авторское вступление, мы живо ощущаем, как выходец из «здоровой провинции» (по выражению покойного Д.Е. Максимова), Ирина Степановна нащупала свою тему и, постепенно, стала востребованной участницей и организатором работы академических коллективов в Москве и Ленинграде, главой Блоковской Комиссии и возродившим традицию «Шекспировских чтений» заместителем главы «Шекспировской Комиссии» РАН. Несмотря на свою загруженность, она никогда не отделяла исследовательский от личного пафоса. Она необычайно щедро отдавала время и энергию посещению и организации международных конференций, на которых сама выступала с блеском как участник. Или же председательствовала с большим тактом, прислушиваясь к чужим темам и умело объединяя самые разные выступления как опытных, так и начинающих докладчиков по обсуждаемой теме. Она также вдохновенно вникала в проблематику, успехи и находки своих студентов и, не жалея времени и сил, помогала осуществить работы коллег. Щедрая благодарность, выраженная в публикуемых работах И.С. Приходько предшественникам по теме, — как коллегам-соотечественникам, так и английским и американским друзьям шекспироведам — делает эту посмертную книгу большим, чем личный вклад в литературоведение.

² См. письмо от 07 февраля 1936 г. к О.П. Флоренской, где П.А. Флоренский пишет: «Произведения Шекспира пронизаны глубоким умом, но умом имманентным (внутренно присущим) образам и речам, так что ума писателя вне образов не видишь. Вообще, не видишь самого писателя — и в том загадка Шекспира» (*Флоренский П.А. Сочинения в 4-х томах. М., 1998. Том 4. С. 387*). См., также: Руман А. Pavel Florensky: A Quiet Genius; The Tragic and Extraordinary Life of Russia's Unknown da Vinci. New York: Continuum, 2010, p. 176 (*прим. ред.*).

³ См. стр. 8.

Авторское вступление «Блок и Шекспир» вводит читателя в тему книги через обзор дневников и писем А. Блока, пометки на книгах из его личной библиотеки и анализ следов увлечения шекспировской поэтикой (общего для всего европейского романтизма) в творчестве русского поэта, чьё свежее восприятие литературы прошлого вообще, и Шекспира в частности, пропитывало и культуру раннего русского символизма в целом.

В конспективных главах вступительной части автор, в частности, выясняет: как Блок, на протяжении жизни, воспринимал различные постановки Шекспира, как оценивал его переводы на русском языке, как воспринимал современную для себя «декадентскую» критику Вяч. Иванова, И. Анненского, Д. Мережковского, и наконец — как жившие в разное время Блок и Шекспир сходятся в глубинах своего творчества на теме соотношения «исторического и вечного».

«Первая часть» книги отражает поиск этого сродства писателей в своем названии «Образы Шекспира в лирическом восприятии А. Блока». Она состоит из пяти отдельных исследований И. С. Приходько, доказывающих, насколько лично, в качестве поэта и человека (и поэта на пути к «вочеловечению»), Блок воспринимал и как бы даже «осваивал» Шекспира. Первая из глав так и называется «Я — Гамлет...» и (на фоне ранней лирики и бобловской постановки сцен из «Гамлета») выявляет «лиризацию» темы Гамлета и Офелии, переплетающейся у Блока с темой первой любви (подобно тому, как тема об Офелии постепенно уступает теме о герое, Гамлете, из «маски», перешедшей в «лицо»: «Я — Гамлет»). Интересно здесь указание на контрастный отказ от отождествления лирического героя с Гамлетом у англо-американского поэта Т.С. Элиота («нет — я не Гамлет») и развитие такого же отождествления лирического героя с датским Принцем в русской поэзии XX века у М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, П. Антокольского, Ю. Кузнецова и других поэтов.

Именно в таком отождествлении лирического героя с фиктивным действующим лицом пьесы и намечается тема следующей главы («Весь мир — театр»), в которой автор также рассматривает сходные, но и различающиеся понятия «карнавал»-«маскарад» символистского мифа, в особенности их роль на фоне эпохи, когда художники стремились к отождествлению жизни и искусства, к «жизнетворчеству». В частности, на примере Гамлета мы видим до какой степени у Блока шекспировский герой из «маски» становится «лицом», а также как «уподобление преодолевает маску» и, по цитируемым в книге словам Т.М. Родиной: «Стихотворение 1914 г. “Я — Гамлет” — конец театрального маскарада».

Так текстуальный анализ помогает читателю вникать в плодотворный подход к шекспировской теме в русском символизме и в позднейшей русской поэзии: в оценку

Шекспира не только через сценическое искусство, не только в качестве эффектного драматурга и великого сердцеведа, но и как «поэта» в пушкинском, пророческом смысле.

Естественно, тема о возрождении древних, когда-то «популярных» форм выводит читателя из ранней лирики Блока и семейных реминисценций о спектаклях в Боблово — к всеевропейскому увлечению возрождением форм народного, «уличного» театра (у Йейтса, Гофмансталя и Метерлинка, например) и к «мистерийным поэтам»: у Данте, Мильтона, Гете и Байрона, вплоть до революционных поэм Блока «Двенадцать» и Маяковского «Мистерия Буф». В последующих главах, поэтому, вполне закономерен переход к блоковскому мистериальному восприятию великих трагедий Шекспира (в частности, «Король Лир», «Макбет» и «Отелло»). И Шекспир, и Блок в этих главах предстают читателю как авторы с реальным, практическим опытом театрального искусства, посредством которого, для Блока, «может быть осуществлено сближение искусства с жизнью»⁴.

Только через театр Блок-поэт, понимающий своё призвание как «стояние на страже», видел возможность донести людям воплощенные в уединении прозрения. В такой работе помогает символ — и прежде всего символические персонажи, вроде Шута, служащего у Блока, как и у Шекспира, в качестве «модели человеческой природы».

Интерес Блока к возможному воздействию на зрителя театральной символики, согласно И.С. Приходько, впервые максимально заострился в годы 1906 — 1908, после бурных потрясений 1905 года. Именно тогда Блок не только писал, но и за кулисами участвовал в постановке своих лирических пьес, а также перевёл средневековую мистерию «Действо о Теофиле» для петербургского «Старинного театра». Вторично А. Блок погрузился в работу, связанную с театром (и именно с Петроградским БДТ), в революционные 1919–1920-е годы, когда выступал перед актёрами с речами о значении трагедий «Король Лир» и «Отелло», указывая им, как всегда из глубины своего внутреннего опыта, на необходимость «слияния жизненной бесспорности персонажа с его символическим ореолом»⁵, т.е. на «реалистическую постановку», которая помнит о глубинной сути... Глава заканчивается заметками о дальнейшем развитии тем, затронутых в эти периоды максимальной загруженности работой для реального театра, трудно продвигающимся попыткам Блока вынашивать свои собственные театральные произведения: «Песня Судьбы» и «Роза и Крест», которым И. С. Приходько посвящает главы 3 и 4 второй части книги. Читая разборы этих блоковских драм, читатель несколько теряет из виду Шекспира — несмотря на то, что по самим названиям глав — «Трагедия и

⁴ См. стр. 52.

⁵ См. стр. 53.

мистерия» и «История и судьба» — вполне подтверждается их однородность с основной, сопоставительной темой книги. В этой связи закономерно решение редколлегии вставить в окончание второй части книги отсутствующую в авторском проекте раннюю статью И.С. Приходько о «Тайном смысле трагедии “Отелло”» — как изложение подхода самого Блока к постановке трагедии БДТ в 1919 году, прочитанное актёрам в том же году и поэтому вполне вписывающееся в хронологию книги после «Розы и Креста». Статья «закругляет» тему о «трагедии и мистории», «истории и судьбе» как в блоковском восприятии Шекспира, так и в его драматургии.

Перевод И.С. Приходько с английского темпераментной работы Пола Эдмонсона и Стенли Уэллса уместен именно как «Приложение»: он вполне заслуживает такое место в книге, ибо ближайшим образом связан с темой о человеке у Шекспира- художника, поэта, человека театра, как его воспринимал Блок, но не связан прямо с темой «Блок и Шекспир».

Интерес к загадке, писал ли Шекспир «Шекспира» — в последнее время стал модным и в России, где возбуждает такие же страсти, как и в Англии. Однако книга И.С. Приходько о Блоке и Шекспире — это не книга «о Блоке и Гомере» (как подлинном, но будто бы и мифическом, коллективно олицетворенном классике, в этом смысле сопоставимом с оспариваемой ныне фигурой Шекспира). И, конечно же, это не очередная книга о Блоке и театре, или о русском символизме и Шекспире, но обдуманное, прочувствованное исследование взаимоотношений в искусстве двух обуреваемых временем художников, цель которых «воплотить истину», придавая воображения «воздушным теням ... и обитель, и названье»⁶.

Не только Шекспир-поэт или Шекспир-драматург интересовал Блока, но и Шекспир-человек: вечный, универсальный и демократичный работник театра, поэт и шут. Разве такого Шекспира отыщешь в гипотетических анониме-дворянине или же в ученом-философе, или даже в целом коллективе таких анонимов, якобы скрывающихся под псевдонимом Шекспира? Куда же пропадает в этих гипотезах наш (и блоковский) лирический Шекспир?

И.С. Приходько сама лично не вникала в вопросы авторства Шекспира, а сосредоточилась на мельчайших подробностях орнамента его литературного мира, обратив исследовательское внимание на родословную — классическую и современную — образной системы его творчества: как, например, в своём не переведённом на английский язык разборе подтекстов римского Горация, включая никем до неё не зафиксированного “*Ehgei monumentum*”⁷. Поэтому вполне закономерно, что по вопросу авторства шекспировских

⁶ «...to airy nothing a local habitation and a name» («Сон в летнюю ночь» V.1, 16–17).

⁷ См. стр. 90 наст. изд.

произведений ей разрешается высказаться как бы не прямо от себя, а косвенно — в выборе статьи для перевода, публикуемой редколлегией как приложение к ценной и глубокой монографии Ирины Степановны Приходько.

В заключение обзора содержания книги хочется отметить тщательную работу редакторов в научном оформлении статей на любимую тему И. С. Приходько «Блок и Шекспир»: библиография, указатель, и редакционные примечания облегчают восприятие материала и помогают читателям ориентироваться в подходе автора к далеко не простой задаче, поставленной им перед собой. В контексте мемориальной книги также не оценим безупречно составленный её ответственным редактором А.Л. Рычковым перечень публикаций И.С. Приходько, тщательно дополненный в ракурсе её работы над текстами, включающий рецензии и самые разнообразные пробы пера. Следует также приветствовать, что во вступительной «библиографической» статье с большим тактом и вниманием соотнесена международная известность Приходько-шекспироведа (особенно в англо-американских кругах) с её долгом перед современниками-предшественниками в России: А.А. Аникстом, Т.М. Родиной и Д.Е. Максимовым. Ведь именно через них для молодой Ирины Степановны из г. Владимира пролегал долгий исследовательский путь к новому пониманию общекультурных, лирических и драматических корней творчества соотечественников времён русской революции, обратившихся к творчеству Шекспира — великого художника, жившего в отстоящем по времени, но таком же кризисном, переходном времени в Западной Европе.

Существенно также, что во вступительной статье упоминается о другой подготовленной к печати, но до настоящего времени так и не изданной книге И.С. Приходько — «Словарь символизма». Здесь возникает важная тема о внимании исследовательницы к мельчайшим составным частям образной системы литературного произведения, что даёт возможность конкретного сопоставления далёких по времени текстов. Представленный в настоящей книге тщательный текстуальный анализ мифологического и мистерийного подтекстов в творчестве Блока и Шекспира позволяет читателю оценить их взаимосвязь и ощутить единую сравнительную направленность такого анализа в отдельных статьях, сосредоточенных более на Шекспире или на А. Блоке.

Памяти автора — Ирины Степановны Приходько

Говоря о книге «Блок и Шекспир», нельзя обойти стороной самобытную личность её автора — Ирины Степановны Приходько, памяти которой решусь предложить свои краткие воспоминания о нашей дружбе.

В начале июня 1993 года мы повстречались с Ириной Степановной на «Дягилевских чтениях» в Перми, откуда, по воле случая, вернулись на одном и том же поезде в Москву. Всю дорогу она рассказывала — темпераментно и самозабвенно — о последних месяцах жизни нашего общего и обоюдодлюбимого научного руководителя Дмитрия Евгеньевича Максимова. Тогда же она подарила мне оттиск своей работы о «Двенадцати» Блока⁸: тема, для меня проходящая красной нитью через всю жизнь в науке. Мне очень понравилось, с каким проникновенным тактом в этой книге прослежены подтексты, в частности христианский или, как сказал бы Максимов, мифически-духовный подтекст. Тем не менее, мы тогда расстались, и наша связь на время прервалась: я уже жила в основном в Англии с мужем, русским художником Кириллом Константиновичем Соколовым, проведя в Москве лишь первые одиннадцать лет брака (с 1963 по 1974 годы).

Возвращение на родину освободило время написать биографию Блока, начатую ранее в Кембридже. В 1980-м году книга вышла в двух томах в Oxford University Press, но я взялась за авторский перевод только через двадцать лет⁹, после выхода на русском языке моей следующей книги «История русского символизма» в издательстве «Республика» в 1998 году¹⁰. «Республика» больше не существовала, и я договорилась о публикации книги о Блоке с издательством «Независимой газеты»: очень повезло, что, при вынужденной смене научного редактора, взялась за эту кропотливую работу замечательная Дина Махмудовна Магомедова — тоже, кстати, выходец из Максимовской школы. Когда «Независимая газета», из-за разных задержек с моей стороны и шаткого финансового положения издательства отказалась от издания книги посередине работы над текстом, Дина Махмудовна взялась спасти положение и обратилась за помощью к Ирине Степановне Приходько, а через неё к Блоковской группе Академии наук. Ирина Степановна пришла к нам на старую квартиру, которую сберегли наши друзья и на которую мы приезжали тогда регулярно в Москву, и — со свойственной самозабвенной энергией и энтузиазмом —

⁸ Речь идет о статье И.С. Приходько «Образ Христа в поэме А. Блока “Двенадцать”. Историко-культурная и религиозно-мифологическая традиция» (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50. № 5. С. 426–444).

⁹ См.: Ruman Avril. *The Life of Alexander Blok*, 2 vols. New York: Oxford University Press, 1978–1980; Пайман Аврил. *Ангел и камень: жизнь Александра Блока: в 2 кн. / пер. с англ. Аврил Пайман; Науч. совет «История мировой культуры» РАН, Блоковская комис. М.: Наука, 2005.*

¹⁰ См.: Ruman Avril. *A History of Russian Symbolism*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1994; Пайман А. *История русского символизма*. М.: Республика, 1998.

взялась пробивать издание книги, подружилась со мною и моим мужем Кириллом Соколовым, а также познакомила нас и со своим замечательным мужем — Борисом Александровичем Пеньковским: словом, мы сошлись и в жизни, и в работе. К сожалению Кирилл Соколов, который очень ценил и Дину Махмудовну, и Ирину Степановну, скончался до презентации первого тома книги (с обложкой и вставками из его работ, представленных художнику книги В.Ю. Яковлеву именно Ириной Степановной) в Шахматово в 2005-ом году. Следующий том вышел очень скоро, в начале 2006-ого года, и всё это время Ирина Степановна «стояла за плечом». Она, так же, как и я, особенно радовалась, что презентация состоялась именно в блоковском Шахматово. Помню не только ее добрые слова о книге, но и наши прогулки по дому и усадьбе с Ириной Степановной, всегда вдохновленной своими и чужими планами на благо музея и памяти поэта.

Благодаря ей меня выбрали почетным членом Блоковской комиссии при РАН. Спустя недолгое время, она уже пробивала у Екатерины Гениевой в Библиотеке иностранной литературы юбилейное издание драмы «Роза и Крест» с новым переводом на английский язык Ланса Гарави¹¹, с комментариями и примечаниями к пьесе самой И. С. Приходько, со статьей Александра Рычкова о её «историческом фоне и религиозной подоплёке», а также с серией эстампов Кирилла Соколова и моей статьей об этих эстампах (оригиналы которых находятся в фонде музея-квартиры Андрея Белого, филиале музея А.С. Пушкина в Москве). На очень воодушевлённой презентации книги выступили все участники издания, была выставка оригиналов эстампов, выступил в супружеском дуэте и сын Дины Махмудовны со старинной провансальской музыкой и танцем.

Очень характерно для И.С. Приходько, что работа над текстами, оформлением и презентацией книги — всё это было организовано ею с истинным, радостным, художественным воодушевлением. Точно так же она выступала и на Блоковских конференциях, на которых часто сама председательствовала проникновенно и доброжелательно, с большим умением завязать дискуссию. Помню, как вдохновенно в Музее Андрея Белого она прочла свой замечательный доклад о «Пыли»¹², с каким умилением сообщила, что сейчас работает над такой замечательной темой, как «Цветы Офелии» у Шекспира и Блока. Возможно, эта тема нашла переключку с тем, как она любила свой сад и природу под Владимиром...

¹¹ Роза и Крест = The Rose and the Cross / Александр Блок; [автор проекта И. С. Приходько, составитель А. Л. Рычков; перевод на англ. Ланса Гарави; вступ. статья Е. Ю. Гениевой]. М.: Центр книги Рудомино, 2013.

¹² Доклад И. С. Приходько «Пыль (и производные) как доминанта образного тезауруса в поэтике Андрея Белого» был прочтен в музее «Мемориальная квартира Андрея Белого» в рамках Международной научной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» 25–30 октября 2010 г. (*прим. ред.*).

Когда скончался любимый муж (тоже великий ценитель колоритных подробностей в литературе – например, собственных имён), Борис Александрович Пеньковский, Ирина Степановна составила прекрасную книжку его памяти — с семейными фотографиями¹³...

Ирина Степановна довольно часто приезжала в Англию — на Шекспировские конференции, и как-то мне удалось повезти её на машине на пару дней из городка под Стратфордом-на-Эвоне, где она остановилась у временно там проживавшей Елены Глуховой. Мы вместе отправились ко мне на север Англии, проезжая Йоркширские вересковые пустыни, прославленные в книгах сестёр Бронте, и Монастырь в городе Уитби, колыбель английской поэзии, на скале над Северным морем. На всё Ирина Степановна отзывалась так же лирически, как на Шахматово, как на «Розу и Крест». Восторженность эта, однако, не мешала ей быть серьёзным и плодотворным тружеником на ниве словесной науки. Пренебрегая грозное повышение давления, она неустанно продолжала работу — изо дня в день продвигая не только свою оригинальную, увлекательную исследовательскую работу, но также составление примечаний и библиографий к академическому собранию сочинений А. Блока и к «Словарю Символизма». Несколько раз ей приходилось отменить заграничные командировки из-за состояния здоровья. Наконец, организм сдался и совсем изнемог. Она не жаловалась на здоровье, и, измеряя себе давление, так и умерла в разгаре работы над разными проектами... Вот такой светлый, мужественный человек. *Вечная ей память!*

¹³ Александр Борисович Пеньковский. «Грани жизни»: Из семейного альбома / [сост., текст послесл. И.С. Приходько]. М., 2012. 48 с. (прим. ред.).